

**КОНСТАНЦСКАЯ ШКОЛА РЕЦЕПТИВНОЙ ЭСТЕТИКИ: АНТРОПОЛОГИЯ
ЛИТЕРАТУРЫ И ПРАКТИКИ ЧТЕНИЯ**

В статье приведен анализ концепта «антропология литературы», впервые сформулированного Вольфгангом Изером в работе «*Prospecting: From Reader Response to Literary Anthropology*». Теоретическое рассмотрение и осмысление практик чтения позволило определить их основополагающее место в новой антропологической методологии. Механизмы практики чтения раскрываются в контексте рецептивного подхода Констанцской школы и работ В. Изера и Х.-Р. Яусса.

Ключевые слова: антропология литературы, чтение, диалог, *Alterität*.

На определенном этапе своего развития теория литературы пришла к той точке, когда уже представляется недостаточным разговор о литературе как об объекте, помещенном в историческую перспективу. В этот момент совершился качественный переход от истории литературы к литературной антропологии. По сути, это репрезентировало несостоятельность подхода, акцентирующего своё внимание на жанровой и стилистической эволюции литературы как любого другого вида творческой деятельности. Вместо этого в середине XX века в гуманитарной сфере появляется необходимость в новом осмыслении, которое впишет литературу в рамки антропологии. Теперь, когда литературу начали осмыслять в качестве агента коммуникации, сферой интереса исследователей стало собственно то влияние, которое литература способна оказать и оказывает на человека. Как следствие, в философском и культурологическом дискурсе вновь становится *актуальной* и переосмыляется проблема чтения и читателя. Именно поэтому *целью* нашей работы является выявление антропологического аспекта практик чтения и их места в теории литературы.

Первой работой, манифестирующей новую парадигму в литературных исследованиях стала книга Вольфганга Изера «*Prospecting: From Reader Response to Literary Anthropology*» [7]. В одной из глав книги (К вопросу антропологии художественной литературы [3]), автор представляет свой взгляд на перспективы и проблематику перехода к литературной антропологии. Деятельность нового направления теории литературы Изер сводит к следующему вопросу: «почему вообще должно существовать такое зеркало как литература, и как оно наделяет нас способностью загадывать загадки бытия». И далее: «Теории литературы с этой целью необходимо перестать просто изготавливать модели интерпретации, а вместо этого – спросить, и, возможно, понять, зачем у нас существует такой коммуникативный медиум как литература и почему мы его постоянно обновляем» [3]. Иными словами, классическое определение литературы через миметическую деятельность превращается в вопрос о том, зачем собственно человеку необходима такого рода деятельность.

Изер полагал, что литература является полем, где пересекаются воображаемое и фикциональное, что влечет за собой некоторые изменения сознания и определяет его через способность к вымыслу: «Эта пересекающая границы способность к вымыслу – в первую очередь, расширение человеческого, которое, подобно всем прочим операциям сознания, является не чем иным, как указателем в направлении чего-то отличного от него самого. Изначально она свободна от любого содержания и, следовательно, вопиет о наполнении» [3]. То есть, литература, с одной стороны, создает дополнительное пространство, а с другой, стремится (и в этом её прагматическая функция) восполнить эту пустоту, предоставив человеку нечто *иное*, недоступное личному опыту.

Но будем понимать, что недостаточно полагать литературу в качестве источника *иного*, так как этим не будет исчерпываться её антропологический аспект. Мы в своем исследовании полагаемся на другую перспективу, называемую нами *антропологией литературы*. Под этим понятием мы склонны полагать обратную направленность – от литературы к человеку. В таком случае, литературу следует рассматривать в качестве феномена, оказывающего влияние на человека. Но отметим, что без некоторых уточнений, подобная проблематика помещается в рамки собственно антропологии. Поэтому мы скорее говорим о литературе как практике, конструирующей не человека вообще, но *читателя*. При таком толковании, на наш взгляд, антропологии литературы следует заниматься построением и теоретическим осмыслением

моделей практик чтения, что позволит определить, почему и каким именно образом текст создает своего читателя.

Рассмотрение существующих теорий чтения является необходимым в контексте данной работы, но не является главной целью. Более важным оказывается выявление на их основе тех практик, которые предлагает сама литература (посредством автора). Рецептивный подход: Вольфганг Изер и Ханс-Роберт Яусс. Феноменологический подход к интерпретации акта чтения подразумевает, в первую очередь, акцент на фигуре читателя, что обусловлено пониманием сознания читающего как пространства, в котором разворачивается и существует текст. В данном случае речь идет о рассмотрении текста как *стимула*, задающего динамику читательской рецепции, которая реализует себя в процессе чтения.

Вольфганг Изер в своей статье «Процесс чтения: феноменологический подход» [4] предлагает универсальные (в рамках рецептивной эстетики) установки касательно сущности текста и его взаимодействия с читателем. Нас не совсем устраивает логика статьи Изера, поэтому мы будем двигаться в обратной последовательности – от обобщенных определений сущности текста и чтения к более узким структурным понятиям и их соотношению в сознании читателя. Согласно Изеру, акт чтения представляет собой, что очевидно, опыт. Но чтение текста предполагает, что этот опыт всегда *чужой*. Поэтому рецептивной эстетике, тяготеющей к феноменологии, важно определение тех механизмов, благодаря которым *чужой* опыт вписывается в сознание читающего и, более, того, замещает собой подлинный индивидуальный опыт.

Действительность текста всегда стремится к подмене реального жизненного опыта читателя. Вследствие смещения в сознании читающего реальной и текстуальной действительности текст раскрывает себя в качестве «живого события».

Очевидно, что текст не может восприниматься одновременно. Здесь речь идет не столько о повествовательных текстах, а о специфике восприятия в целом. Это касается любого текста, вне зависимости от того, что его передает: изображение, действие, звук. Сознание стремится не к тому, чтобы ухватить каждую деталь, но к тому, чтобы найти точку, в которой пересекаются интенции каждого элемента текста. В «Эммаусе» Барикко обнаруживаем описание именно такого «прочтение» изображения Мадонны с Младенцем: «Если долго на неё смотреть, взгляд постепенно погружается в изображение, как бы следуя заранее просчитанной траектории, словно это гипноз. Стираются все частности, и под конец зрачок перестает двигаться, рассматривая детали, и застывает в одной точке, откуда видит всё – картину целиком, весь мир, отраженный в ней» [1, с. 183]. Аналогично и в повествовательном тексте лишь следование установленной последовательности приводит к целостному восприятию. И только это постоянное участие читателя в выстраивании последовательности событий внутри текста, вовлекает его в действительность им же создаваемую.

Чтение текста как единой системы не отличается от восприятия действительного мира. «С того мига, когда началом познания признается наша открытость действительному миру, исчезает возможность различить априорные факты от действительных, мир должный от мира действительного» [4, с. 206]. Как только читатель открывается тексту и соучаствует ему, он вынужден принимать диктуемые текстом установки, для вхождения в отличное от реального «живое событие». В сфере этого принятия и происходит процесс смещения чужого и подлинного «Я». Так, авторский нарратив всегда властен, его направленность всегда обращена к упразднению оппозиции субъекта-объекта чтения. В открытости тексту она исчезает, вследствие чего, авторское «Я» замещает в сознании читающего собственное «Я». «Когда я читаю, я мысленно произношу «я», но «я», которое это произносит – это не «я»» [4, с. 210]. То есть, текст, в понимании Изера, выступает стимулом, образующим такую точку в сознании читателя, в которой возможно смещение опыта подлинного и чужого «я», в то время как процесс чтения направлен на то, чтобы установить такого рода отношения между текстом и читателем, которые сделают возможным появление этой «точки».

Немного отличный подход к чтению предложил Ханс-Роберт Яусс, чья «диалогическая» концепция базировалась на работах Михаила Бахтина и Мартина Бубера. Как и другие представители Констанцкой школы, Яусс выдвигал в качестве главного коррелята понимания текста постижение его *инаковости*. Но, в отличие от Изера, который считал главным условием понимания открытость читателя, Яусс обращается к диалогу, которому, в его понимании, «принадлежит не только два собеседника, но и готовность познавать и признавать другого в его дружости» [6, с. 102]. То есть как читатель, так и текст выступают равноправными участниками диалога, делающего возможным прочтение текста. При этом Яусс отходит от традиционного для

рецептивной эстетики понятия *вчувствования*, которое выступает скорее эквивалентом *открытости* Изера, необходимым условием чтения, но ни в коем случае не целью взаимодействия читателя и текста.

На первый план Яусс выводит понятие *отстояния* текста. Но здесь необходимо сделать несколько комментариев, касательно перевода этого термина. Так, Яусс использует в своей статье слово *Alterität*, которое в русском переводе передает исключительно значение дистанции. Сам же немецкий термин по семантике наиболее близок русскому слову «инаковость», но и таков перевод будет не полон. Для того, чтобы понять специфику этого термина, необходимо его рассматривать в паре с антонимом – *Alterität/Alienität*. В первом случае, речь идет о постигаемом различии, то есть об инаковости такого рода, когда возможно её постижение, через вписывание в контекст собственного опыта. Во втором же случае, инаковость не может быть понята, в меру невозможности помещения её в сферу опыта собственного Я. В связи с тем, что Яусс использует исключительно понятие *Alterität*, можно предположить, что текст всегда характеризуется через инаковость, но она постигаема. В связи с тем, что предлагать альтернативную терминологию не представляется возможным, в работе мы будем избегать устоявшегося русского перевода как «отстояние», используя взамен немецкий оригинал, но, при этом, не будем забывать, какие добавочные значения кроме «дистанции» и «инаковости» оно в себе содержит.

Яусс ставит главный вопрос о чтении так: «Что вообще дает нам возможность преодолеть пропасть своего незнакомства и немоты перед лицом временного отстояния текста?» [6, с. 98]. И ответ заключается в *Alterität* текста. Текст содержит в себе исторического Другого, который может и стремится быть узнанным и понятым читателем. Но это понимание возможно лишь в событии диалога между читателем и текстом, при этом, диалога в теологическом понимании Бубера.

Задачей прочтения текста, для Яусса, является «вернуть в живое настоящее разговора, чье [прим. – текста] первоначальное исполнение всегда вопрос и ответ» [6, с. 105]. Отношение вопроса-ответа способствует *вчувствованию* читателя в текст, которое, в свою очередь, делает возможным понимание и принятие *Alterität*. «Понимать нечто в таком случае – значит понимать нечто как ответ, и ближе: испытывать собственное мнение о мнении другого через вопрос и ответ» [6, с. 104]. В этом определении понимания, необходимо обратить внимание на то, что текст есть ответ, а, следовательно, читатель самым актом чтения задает вопрос. В таком случае, кажется, вполне уместным принятие совершенно буберовского понимания художественного произведения в интерпретации литературной герменевтики как «*Мы бытия сказанного*». Если продолжать говорить в терминологии Бубера, то текст есть слово Я-Ты, в котором свершается священный диалог между читателем и текстом.

Таким образом, со всей очевидностью может быть выделен общий элемент этих концепций – они требуют определенного рода читателя, мы даже можем говорить об имплицитном читателе, но с некоторыми поправками. С одной стороны, речь идет об имплицитном читателе в собственном смысле слова. Согласно Изеру, «понятие имплицитного читателя [...] это текстуальная структура, предполагающая наличие воспринимающего субъекта, но не обязательно определяющая его; этим понятием заранее структурируется роль, которую должен принимать каждый воспринимающий субъект [4, с. 226]. Иными словами, перефразируя Якобсона, мы можем говорить, что для Констанцкой школы текст представляется не столько тем, что *позволяет* помыслить, а тем, что *понуждает* помыслить. Таким образом, понятием имплицитного читателя обозначается сеть структур, требующих отклика и принуждающих читателя воспринимать текст. С другой же стороны, речь идет о модели идеального читателя, на которого ориентирован текст, читателя, способного к пониманию. В случае с Изером, чтение подразумевает такого читателя, сознание которого абсолютно открыто тексту, а, следовательно, потенциально способно принять его действительность как должное. Яусс, в свою очередь, конструирует читателя, способного на диалог, на отношение к тексту как к Ты, а не как к Оно.

Таким образом, в ходе нашей работы мы указали и доказали существование новой методологии в рамках теории литературы, которая не смотря на несколько десятилетий своего существования, не получили должного осмысления и применения на практике. На данный момент, антропология литературы представляется в качестве сформировавшегося, устойчивого концепта, который демонстрирует и подтверждает повторный антропологический поворот в рамках гуманитарного знания. Рассмотренные в работе концептуализации являются попыткой осмысления одного из аспектов антропологии литературы, а именно, практик чтения, последующий и углубленный анализ которых является необходимым условием разработки методологии, предложенной Вольфгангом Изером.

Литература:

1. Баррико А. Эммаус [пер. с итал. Е. Мениковой]. – М.: Иностранка, 2010. – 192 с. (TheBestofИностранка).
2. Бубер М. Два образа веры / Бубер М. [пер. с нем. М. Левинова, С. Лезов, И. Маханьков, А. Миронов, В. Рынкевич, Ю. Терентьев]. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ»», 1999. – 592 с. – (Классическая философская мысль).
3. Изер В. К вопросу антропологии художественной литературы // Изер В. [пер. с англ. И. Пешкова] // НЛЮ, 2008, Вып. № 94. Режим доступа: <http://polit.ru/article/2009/02/27/izer/>
4. Изер В. Процесс чтения: феноменологический подход // Современная литературная теория. Антология [пер. и сост. И. Кабанова]. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 201-226 с.
5. Компаньон, Антуан. Демон теории. Литература и здравый смысл [пер. с франц. С. Занкина]. – М.: Издательство им. Сабашниковых, 2001. – 336 с.
6. Яусс Х.-Р. К проблеме диалогического понимания [пер. с нем. А. Богатырева] // Вопросы философии. 1994. № 12. – С. 97-106.
7. Iser W. Prospecting: From Reader Response to Literary Anthropology.— Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1989. — 316 p
8. Iser W. The act of reading. A theory of aesthetic response. - Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1980. – 224 p.
9. Iser W. The range of interpretation. – Columbia University Press, 2001. – 208 p.
10. Iser W. What is the literary anthropology? The difference between explanatory and exploratory fictions // *Revenge of the Aesthetic* / UC Press E-Books Collection, p. 157-179/ URL: <http://publishing.cdlib.org/ucpressebooks/view?docId=kt309nc6gn&chunk.id=ch09&toc.id=ch09&brand=ucpress>
11. Gumbrecht H.U. Literary anthropology? / Stanford Presidential Lectures in the Humanities and Arts. Commentary. [WWW document] URL <http://prelectur.stanford.edu/lecturers/izer/gumbrecht.html>

Дударева О.В. Констанцька школа рецептивної естетики: антропологія літератури і практики читання. У статті надано аналіз концепту «антропологія літератури», що був вперше сформульований Вольфгангом Изером в праці «*Prospecting: From Reader Response to Literary Anthropology*». Теоретичне розглядання та осмислення практик читання дозволило визначити їх засадничу позицію у новій антропологічній методології. Механізми практик читання розкриваються у контексті рецептивного підходу Констанцької школи та робіт В. Изера та Х.-Р. Яусса.

Ключові слова: антропологія літератури, читання, діалог, Alterität.

Dudareva O. V. Konstantsskaya school of the receptive aesthetics: anthropology of literature and practice of reading. *The article gives a detailed analysis of conception of “literary anthropology”, that was first articulated by Wolfgang Iser in his work “Prospecting: From Reader Response to Literary Anthropology”. Theoretical review and conceptualization of reading practices let us discover their fundamental position in new anthropological methodology. The mechanism of reading practices considers in the context of reception method of Konstanz school and works of W. Iser and H.-R. Jauss.*

Key words: literary anthropology, reading, dialogue, Alterität.